

П. П. Инфантьев

**Путешествие в страну
вогулов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
П11

П11 **П. П. Инфантьев**
Путешествие в страну вогулов / П. П. Инфантьев – М.: Книга по Требованию,
2013. – 201 с.

ISBN 978-5-458-10952-9

ISBN 978-5-458-10952-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

всякой цивилизаціи и всѣхъ ея—часто сомнительныхъ благъ, вы будете дышать вольнымъ воздухомъ на груди матери-природы въ обществѣ первобытнаго человѣка, еще не развращеннаго ни алчностью наживы, ни другими добродѣтелями нашего просвѣщеннаго вѣка, вдали отъ всякихъ тревогъ...

— А медвѣди? а другіе хищные звѣри?

— Что медвѣди? Что хищные звѣри? Развѣ люди часто не бываютъ опаснѣе и свирѣпѣе дикихъ звѣрей...

— Тогда знаете что. Поѣдемте со мной!—неожиданно предложилъ мнѣ г. Носиловъ.

— Съ вами?

— Да.

— Вы не шутите?

— Ничуть.

— А если я соглашусь?

— Я буду очень радъ.

— Когда вы выѣзжаете изъ Екатеринбурга?

— Завтра съ поѣздомъ. Васъ что-нибудь задерживаетъ?

— Рѣшительно ничего.

— Значить, по рукамъ?

— Идетъ,—сказалъ я, протягивая свою руку.

И вотъ, на слѣдующій же день мы уже мчались по желѣзной дорогѣ по направленію къ Кушнѣ, откуда далѣе должны были ѣхать на лошадахъ. Чтобы не перекладываться на станціяхъ, въ Кушнѣ мы приобрѣли собственный экипажъ. Это былъ довольно помѣстительный плетеный коробокъ, поставленный на широкія розвальни.

Путь нашъ лежалъ сначала на Верхотурье, до котораго въ то время желѣзной дороги проведено еще не было; оттуда на Пелымъ, а затѣмъ уже совершенно неизвѣстными проселочными дорогами

мы должны были пробраться въ верховья рѣки Конды въ самую глушь, до послѣдняго поселка, какой только былъ на этой рѣкѣ.

Была половина марта 1892 г., и уже начинался оттепель; поэтому намъ приходилось торопиться, чтобы во-время достигъ, пока еще дороги не испортились, до конца нашего путешествія; мы не знали, сколько времени оно продолжится, а засѣсть на полдорогѣ въ тайгѣ, гдѣ лѣтомъ нѣтъ никакихъ сообщеній, было не особенно пріятно. Обратный же путь мы намѣревались сдѣлать на лодкѣ по рѣкѣ Кондѣ, послѣ ея весенняго разлива, спустившись въ рѣку Иртышъ, въ которую она впадаетъ.

Дорога до Верхотурья шла черезъ сплошные хвойные лѣса, при чемъ во второй своей половинѣ тянулась по красивой мѣстности вдоль рѣки Туры, на которой тамъ и здѣсь были разбросаны поселки заводскаго пошиба.

Городъ Верхотурье расположенъ на лѣвомъ берегу р. Туры. Это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ пермскаго края. Онъ основанъ въ 1598 году и когда-то былъ очень важнымъ пунктомъ, такъ какъ черезъ него проходила главная дорога въ Сибирь; здѣсь было складочное мѣсто для товаровъ и таможня для сибирской торговли. Еще и теперь видны остатки стариннаго каменнаго укрѣпленія, стоявшаго, какъ говорятъ, до начала минувшаго столѣтія. Въ настоящее время Верхотурье, какъ извѣстно, славится находящимися въ немъ мощами Симеона Праведнаго, на поклоненіе которымъ со всѣхъ сторонъ Россіи ежегодно стекается масса богомольцевъ, и такъ какъ во время нашего проѣзда былъ великій постъ и богомольный сезонъ стоялъ въ самомъ разгарѣ, то по дорогѣ мы постоянно обго-

няли толпы пилигримовъ, бредшихъ съ котомками за плечами на поклоненіе Праведнику.

Изъ Верхотурья намъ нужно было сдѣлать переваль черезъ урманъ *), чтобы попасть въ бассейнъ р. Тавды. До рѣки Сосьвы **), притока р. Тавды, мы ѣхали все время непроходимой тайгой. По обѣимъ сторонамъ дороги высились громадныя сосны, ели, пихта и кедры, иной разъ въ нѣсколько обхватовъ толщины и настолько высокіе, что иногда казалось, будто мы ѣдемъ среди какого-то узкаго горнаго ущелья. Чаща во многихъ мѣстахъ была до того густа, что, казалось, положительно руки некуда было просунуть, а въ глубинѣ ея то тамъ, то тутъ виднѣлись громадныя стволы упавшихъ деревьевъ, гнившихъ тамъ въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ. Кругомъ стояла мертвая тишина. Ни звѣря, ни птицы. Развѣ только иногда гдѣ-нибудь въ глубинѣ лѣса глухо простучитъ носомъ дятель, нарушая гробовое молчаніе, да скрипъ подгнившаго дерева возмутитъ эту торжественную тишину, нагоняя тяжелое уныніе на душу. Снѣгъ по обѣимъ сторонамъ былъ чрезвычайно глубокъ, а дорога такъ узка, что ѣхать было возможно только гусемъ, и то съ большимъ трудомъ, такъ какъ нашъ экипажъ оказался черезчуръ широкъ для здѣшнихъ дорогъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога шла глубоко въ снѣгу, какъ бы въ руслѣ ручья съ узкими крутыми берегами, и отводы нашего экипажа тормазили по снѣгу, препятствуя идти лошадямъ. Но зато тамъ, гдѣ дорога была высокая, полозья нашихъ розвальней соскальзывали съ узкой дорожной лен-

*) Кондинскіе вогулы урманомъ зовутъ преимущественно сосновый лѣсъ, боръ.

**) Въ Сибири двѣ Сосьвы: одна, упоминаемая здѣсь,—притокъ Тавды; другая,—Сѣверная Сосьва, притокъ р. Оби.

ты, п мы не разъ вылетали вмѣстѣ со своимъ багажомъ въ рыхлый снѣгъ.

На р. Сосьву мы выѣхали неподалеку отъ устья впадающей въ нее рѣчки Ляли, гдѣ находится большое богатое село Романовка. Всѣ постройки этого села носятъ уже чисто-сибирскій характеръ: избы большею частію пятистѣнные, просторныя, свѣтлыя, чистыя; многія—палубленныя, съ желѣзными крышами; нѣкоторыя покрашены снаружн краской, съ разными рѣзными украшеніями.

Здѣсь, въ Романовкѣ, конецъ лѣтняго сухопутнаго тракта и пристань, отъ которой лѣтомъ ходятъ пароходы вверхъ по Сосьвѣ къ Богословскимъ заводамъ, а внизъ—по Сосьвѣ же, Тавдѣ и Иртышу—въ Тобольскъ. Село Романовка какъ бы открываетъ собою дверь въ Сибирь: неподалеку отъ него проходитъ граница Тобольской губерніи.

Отъ села Романовки, дорога пошла вдоль рѣки Сосьвы то по берегу, то прямо по льду. Во встрѣчавшихся намъ на этомъ пути поселеніяхъ жители были наполовину русскіе, наполовину же обрусѣвшіе вогулы-ясачники, то есть платящіе вмѣсто податей я с а к ъ. Ясакъ—это подать, собираемая натурой, въ видѣ пушнины, нынѣ, впрочемъ, переведенная уже на деньги. Но названіе я с а ч н ы й сохранилось за вогулами и донинѣ въ отличіе отъ чисто-русскаго населенія.

Здѣшніе сосьвинскіе вогулы, а также живущіе по рѣкамъ Лялѣ и Тавдѣ, давно позабыли и свой родной языкъ и свои прежніе обычаи и вѣрованія, и совсѣмъ смѣшались съ русскими поселенцами. Такому полному обрусѣнію много помогало то обстоятельство, что вогулы всегда, гдѣ можно, предпочитаютъ жениться на русскихъ женщинахъ. Хотя вогулы и крещены, но у нихъ до сихъ поръ остался

ихъ прежній обычай платить за свою жену калымъ (выкупъ), а такъ какъ за русскую платить калыма не нужно, то вогуль охотнѣе женится на русской. Но, кромѣ того, русская женщина является для вогула болѣе привлекательной и по другимъ причинамъ: она и лучшая хозяйка въ дому, и болѣе чистоплотная, и болѣе выносливая и трудолюбивая, чѣмъ вогулка.

Въ настоящее время здѣшнихъ обрусѣвшихъ вогулокъ можно отличить отъ русскихъ развѣ только тѣмъ, что первая почти всѣ курятъ трубки, какъ и мужичны.

Рѣка Сосьва, не доходя до Пелыми верстъ 50, сливается съ р. Лозьвою и образуетъ рѣку Тавду.

Село Пелымъ,—заштатный городъ, древняя столица вогульского княжества, въ настоящее время представляетъ изъ себя кучку домиковъ, разбросанныхъ на ровной мѣстности по лѣвому берегу рѣки Тавды, недалеко отъ впаденія въ послѣднюю р. Пелымки. Заброшенное въ тайгу, село это, въ особенности зимой, имѣетъ очень унылый видъ. Населеніе его русское, при чемъ добрую половину составляютъ ссыльные. Когда-то Пелымъ служила мѣстомъ политической ссылки; такъ, сюда были сосланы Вирозъ, Миннихъ и др. Теперь въ Пелыми находится инородческое управленіе Верхней Конды и сосредоточены казенные хлѣбные магазины для инородцевъ. Здѣсь живетъ засѣдатель третьяго туринскаго округа, и потому Пелымъ является въ нѣкоторомъ родѣ административнымъ центромъ для верхне-кондинскихъ вогуловъ: отсюда идутъ всѣ начальственные распоряженія, сюда же инородцы ѣздить по своимъ судебнымъ дѣламъ, а, кромѣ того, отсюда же везутъ всѣ товары и хлѣбъ для Конды.

Въ Пелыми между прочимъ послѣднее мѣсто, гдѣ

водку продають открыто. По всей Кондѣ торговля водкой запрещена закономъ, и провозять ее только тайно.

Мы отправились къ засѣдателю, чтобы добыть отъ него бланкъ на свободный проѣздъ по Кондѣ. Такой бланкъ почти необходимъ для путешественниковъ въ этихъ мѣстахъ. Уже по дорогѣ до Пелымп у насъ часто происходили непріятности съ ямщиками изъ-за подводъ; далѣе же, безъ свободнаго пропуска отъ засѣдателя, мы могли быть или совсѣмъ остановленными, или терпѣть задержку въ лошадяхъ, что вовсе не было бы пріятно. Засѣдатель оказался человѣкомъ любезнымъ и съ готовностью далъ намъ пропускъ по своему округу.

Дорога изъ Пелымп сначала шла по рѣчкѣ Пелымкѣ, но затѣмъ намъ пришлось свернуть въ сторону и ѣхать уже не дорогой, а едва замѣтной, проложенной въ снѣгу тропкой, для которой нашъ экипажъ оказался совсѣмъ неподходящимъ, такъ что, протаскившись кое-какъ одинъ волокъ, до вогульского поселка Омелино, мы бросили розвальни и поставили свой коробокъ на хрясла (тѣ же розвальни, только съ болѣе узкими полозьями и отводами). Но такъ какъ дальнѣйшая дорога была уже изъ рукъ вонъ плоха, то намъ пришлось вмѣсто одного экипажа и пары лошадей, какъ мы до сихъ поръ ѣхали, разложить свою поклажу на трои хрясла, запряженные каждая въ одну лошадь.

Въ Омелино кончается бассейнъ рѣки Тавды, и дальше слѣдуетъ перевалъ на р. Конду. Здѣсь послѣднее мѣсто, до котораго лѣтомъ еще возможно кое-какъ добираться отъ Пелыми на лодкахъ. Далѣе же въ лѣтнюю пору совсѣмъ нѣтъ никакихъ дорогъ, и пробираться по тайгѣ возможно лишь пѣшкомъ. Только одни инородцы, хорошо знающіе мѣстность,

отваживаются иногда верхомъ на своихъ, привычныхъ къ лѣснымъ топямъ, лошадяхъ ѣздить черезъ эти непроходимыя дебри, при чемъ умныя лошади карабкаются по упавшимъ стволамъ деревьевъ, точно дикія козы, отыскивая дорогу. Впрочемъ, тамъ, гдѣ позволяетъ мѣстность, между паулями (такъ здѣсь называются вогульскіе поселки) и лѣтомъ устраивается что-то вродѣ экипажного сообщенія для перевозки разныхъ грузовъ. Иногда къ сѣдламъ двухъ лошадей, идущихъ гусемъ, привязываютъ съ обѣихъ сторонъ по длинному шесту, поперекъ которыхъ прикрѣпляются доски, и на подобныхъ носилкахъ переносится нужная кладь. Иногда носилки приспособляются для одной лошади и вмѣстѣ съ грузомъ, лежащимъ на нихъ, тащатся по тайгѣ волокомъ. Иногда только подъ другой конецъ носилокъ подставляется пара колесъ, которыя вертятся не на осяхъ, а вмѣстѣ съ осями. Но такъ ѣздить возможно только тамъ, гдѣ есть черезъ тайгу хотя бы какое-нибудь подобіе дороги: такъ ѣздятъ чаще всего по просѣкамъ, сдѣланнымъ для зпмняго пути, и то, понятно, только тамъ, гдѣ этому не препятствуютъ болота и озера.

II.

Въ лѣсахъ Конды.

Чтобы попасть въ пауль (поселокъ) Полушаймъ, находящійся уже въ бассейнѣ рѣки Конды, мы должны были изъ Омелино сдѣлать волокъ въ 65 верстъ. На протяженіи всего этого волока идутъ

сплошные дремучіе лѣса и нѣтъ ни одного поселка, только по срединѣ построена лѣсная избушка, гдѣ ямщики останавливаются кормить лошадей. Наши ямщики упрасивали насъ остаться въ Омелинѣ переночевать, такъ какъ становилось уже темно, а на этомъ волоку бродилъ медвѣдь, не заснувшій на зиму. Такіе медвѣди очень опасны и бросаются безъ разбора почти на все живое, встрѣчающееся имъ. Не спятъ они и озлоблены, — какъ говорятъ нѣкоторые, — отъ глистовъ, безпокоящихъ этихъ медвѣдей. Вогулы же толкуютъ, что Тормъ (высшее существо, творецъ міра) насылаетъ такихъ медвѣдей на людей въ наказаніе за какіе-либо особенные грѣхи. Однако, мы доѣхали до избушки безъ всякой непріятной встрѣчи. Избушка стоитъ въ дикой мѣстности, среди дремучаго бора. Внутренность ея занимала всего одна обширная комната, вдоль стѣнъ которой тянулись двойныя нары *), гдѣ спали въ повалку нѣсколько человѣкъ-промышленниковъ за кедровою шишкой. Въ чуваль *) ярко пылалъ огонь. На столѣ кипѣлъ огромный самоваръ, до того засаленный, что трудно было разглядѣть, изъ какого металла онъ сдѣланъ. Дюжій, закоптившій отъ чувала хозяинъ разливалъ чай. Кругомъ стола сидѣло нѣсколько человѣкъ; изъ ихъ разговора мы узнали, что все это былъ народъ ссыльный, занимавшійся, за неимѣніемъ другого заработка, сборомъ кедровой шишки. Зимой шишку собираютъ, разгребая снѣгъ подъ кедрами, но, разумѣется, такой сборъ ничтоженъ и малодоходенъ.

Духота въ избушкѣ стояла страшная; но такъ

*) Широкія лавки, служащія и для сна и для сидѣнья.

**) Чуваль—камелекъ, сдѣланный изъ тонкихъ жердей, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины.

какъ я былъ сильно' утомленъ, то, не дожидаясь, пока очередь единственнаго самовара дойдетъ до насъ, забрался на верхнія нары и тотчасъ же заснулъ. Однако, сонъ мой не былъ продолжителенъ. Пробудившись, я почувствовалъ, что тѣло мое горѣло, точно въ огнѣ: нары кишѣли блохами и клопами. Промучившись всю ночь въ духотѣ и изъѣденный докучливыми насѣкомыми, я вышелъ поутру на свѣжій воздухъ. Утро было ясное, безоблачное, хотя и довольно морозное. Солнце только что начинало подниматься и косыми лучами золотило верхушки громаднхъ кедровъ, среди которыхъ стояла избушка. Я былъ пораженъ необычнымъ въ этихъ мѣстахъ оживленіемъ лѣса. Повсюду раздавалось пѣніе и чириканье маленькихъ хорошенекъ, величиною съ воробья, съ красными и желтыми спинками, черными крылышками и клювомъ, расходившимся крестикомъ. Это были клесты. Птицы живутъ въ этихъ мѣстахъ зимою только въ кедровникахъ.

Потомъ мы поѣхали далѣе. На второй половинѣ волока дорога часто шла пошворами. Пошворами вогулы называютъ болота, поросшія мелкимъ соснякомъ. Здѣсь мы въ первый разъ увидали слѣды соболей.

Полушаимъ—первый пауль, встрѣтившійся намъ въ мѣстности рѣки Конды, и притомъ это первый поселокъ, населенный коренными вогулами, еще не успѣвшими окончательно слиться съ русскими и обрусѣть. Впрочемъ, все его населеніе состояло всего изъ двухъ-трехъ семействъ. Намъ отвели квартиру у самаго зажиточнаго домохозяина. Это былъ живой, крѣпкій и высокій старикъ. По узкимъ маленькимъ глазкамъ, широкому рту и бронзовому цвѣту лица его можно было принять скорѣе

за башкира. Этотъ вогуль принялъ насъ очень радушно, провелъ въ свѣтелку и началъ суетиться около самовара. Насъ удивили порядокъ и опрятность въ домѣ Степана (такъ звали нашего хозяина), несмотря на то, что онъ, какъ оказалось, жилъ совершенно одинокимъ. Самый домъ его былъ очень помѣстителенъ и состоялъ изъ трехъ комнатъ, не считая прихожей, выходившей на парадное крыльцо. Сундуки, стоявшіе вдоль стѣнъ, были покрыты ковриками, на столахъ были разостланы скатерти. Все это показывало зажиточность хозяина и любовь къ порядку. Въ переднемъ углу виднѣлись даже иконы въ серебряныхъ ризахъ. Словомъ, жилище Степана походило скорѣе на домъ русскаго зажиточнаго торговца, чѣмъ на юрту дикаря-вогула. Но вся эта русская обстановка намъ сдѣлалась понятной, когда изъ разговора со Степаномъ мы узнали, что онъ былъ женатъ когда-то на русской и имѣлъ очень частыя сношенія съ русскими, ведя съ ними торговлю пушниной и рыбой. Теперь же, послѣ смерти жены, торговлю свою онъ забросилъ и жилъ одинокимъ бобылемъ. Правда, у него была взрослая дочь, заправлявшая всѣмъ хозяйствомъ, но недавно онъ выдалъ ее замужъ въ другой пауль. Кромѣ дочерп, у него есть еще небольшой сынишка, но онъ гоститъ у сестры, и Степанъ теперь одинъ справляется со своимъ хозяйствомъ и самъ стряпаетъ себѣ пищу.

На нашу просьбу достать намъ мяса, Степанъ сначала объявилъ, что это невозможно; но, когда мы дали ему рубль, чтобы онъ попробовалъ поискать, онъ живо притащилъ намъ около полпуда свѣжаго коровьяго мяса; кромѣ того досталъ у себя изъ подвала нѣсколько фунтовъ баранокъ, которыхъ мы не могли найти даже въ Пелыми, и въ довершеніе